

Ф. Г. Галиева

**ФИННО-УГОРСКО-ТЮРКСКАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ОБЩНОСТЬ
В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ БАШКИР¹**



В статье изучена погребальная обрядность башкир на разных этапах формирования и развития в Урало-Поволжье финно-угорско-тюркской общности. Первый этап (II тыс. до н. э. – первая половина I тыс. н. э.) характеризуется сложением в регионе финно-угорской этнической основы населения, которая сохраняла связи с соседними восточными и со временем расширяла контакты с южными регионами, в том числе ареалами древне-башкирских племен. Автор выявляет примеры отражения этнокультурных связей предков башкир с этносами Сибири, сходство их мифологических представлений о способах перехода через кремацию, ингумацию, наземное трупоположение, курганное захоронение, что соотносится с археологическим материалом. Второй этап (раннебулгарский, период Волжской Булгарии и Казанского ханства) анализируется как финно-угорско-тюркская этнокультурная общность. В разных природно-географических зонах практиковались однотипные для башкир, удмуртов и марийцев надмогильные сооружения (сруб, деревянный шест, столбик). Показано влияние кочевников южных степей на традицию башкир делать сооружения из камня, а затем через башкир – на удмуртов и марийцев. Третий этап (вторая половина XVI – начало XX в.) усилил общность изучаемых народов за счет процесса исламизации, тюркизации и смены этнической идентичности части финно-угорского населения на башкирскую. На четвертом этапе (советское и постсоветское время) продолжился импульс предыдущего времени. Влияние тюркских соседей отразилось на погребальной обрядности «язычников» (ориентировка лиц погребенных на восток, могильная ниша). В то же время у башкир сохранялись доисламские обычаи либо в силу причин происходил отказ от норм шариата (могильная ниша не стала сооружаться из-за рыхлости почвы). Советское время также привело к появлению общего пласта культуры.

Ключевые слова: башкиры, удмурты, марийцы, этногенетическая общность, этнокультурная общность, Волго-Уральский регион, Башкортостан.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-336-345

Выдающийся башкирский этнолог Р. Г. Кузеев (1929–2005) внес большой вклад в изучение этногенетической истории Волго-Уральской историко-этнографической области (ИЭО) и других регионов [Кузеев 1992]. Автору статьи посчастливилось не только работать под его началом, но и присутствовать на лекциях студентом Башкирского госпедуниверситета. На одном из занятий он на примере восточнославянских народов ознакомил с теорией цикличности развития культур этносов, находящихся в едином этнокультурном пространстве. Суть теории в том, что после формирования общего ядра следует этап расхождения отделившихся частей, сопровождающийся усилением различий между ними, в том числе путем вбирания иноэтнических элементов. Затем идут этапы притяжения, обогащения друг друга и вновь расхождения, аналогично процессам в природе, согласно законам физики. Безусловно, указанные циклы выделяются весьма условно, исходя из преобладающих тенденций, связанных как с внутренними, так и внешними явлениями. В реальной жизни они сосуществуют и диалектически взаимодополняют друг друга.

Цель настоящей статьи – изучить проявления финно-угорско-тюркской общности в погребальной обрядности башкир, исходя из сменяемости, взаимодополняемости и разнообразия этнических процессов. Источниками для анализа послужили опубликованные сведения об этносах и культурах республики, полевые материалы автора, документы Национального архива Республики Башкортостан (далее – РБ), Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра РАН (полевые дневники 1950-х гг. Р. Г. Кузеева), местной прессы начала XX столетия, фольклорные сочинения (башкирские эпосы и сказки). Объектом исследования стали башкиры, а также удмурты (вотяки) и марийцы (черемисы). Башкортостана (Башкирии, Уфимской губ.), хотя делаются экскурсии в более широкие этногеографические, этнополитические и этносоциальные образования. Актуальность работы определяется необходимостью прогнозирования путей развития этнических культур, исходя из

¹ Исследование выполнено в рамках государственного задания №АААА-А18-118041290047-7 ИЭИ УФИЦ РАН.



предыдущего опыта, в условиях новых вызовов, усиления интереса у населения к своим корням, осуществления политики государств по сохранению традиций.

Первый этап. По теории Р. Г. Кузеева, со II тыс. до н. э. складывается финно-угорская основа населения Волго-Уральской ИЭО (в результате обособления от финно-угорской общности восточно-финской ветви). Развитие этой общности сопровождалось взаимодействием с угорскими (или угро-самодийскими) племенами Западной Сибири, а затем еще и с соседями с юга региона. В середине I тыс. до н. э. и в первые века н. э. произошло сложение Волго-Уральско-Северо-Кавказско-Прикаспийско-Приаральского этнокультурного мира, который включал ареалы формирования многих башкирских родов и племен. Основу древне-башкирских племен составили племенные общности Саяно-Алтайского нагорья, Южной Сибири, Центральной и Средней Азии.

Заметим, что зачастую башкирские обрядоведы стремятся искать лишь внутритерриториальные диахронные параллели, опираясь на теорию об автохтонности башкирского населения [Мажитов 1977]. Не пытаясь оспорить факт возможной преемственности в той или иной мере археологических и этнических культур, отметим этнокультурную общность башкир с другими народами евразийского пространства, сложившуюся в результате сложного этногенеза при участии финно-угорских, индоиранских и других племен. Еще в 1960-х гг. такой вывод сделала известный этнограф С. Н. Шитова, изучив одинаковые элементы и названия традиционного костюма у башкир и алтайцев: шуба (*тон, тун*), халат из самодельного сукна (*сэкмэн*), нагрудник (*туштек, тџитџк*), ушные подвески (*һырға, ызырға*) и др. Покрой башкирского халата *елән* свидетельствует о том, что его аналог шился из меха, так как исходит из размеров расширяющейся книзу шкуры, а не прямоугольной домотканины. Меховая обувь *бьшымылы кынйырак* у башкир распространилась под влиянием соседних оленеводов хантов и манси [Шитова 1962, 292–294]. В дополнение к связям с ханты и манси – наши наблюдения о схожести (по конструкции, материалам, технологии, способам декорирования) башкирских детских берестяных колыбелей, представленных в экспозиции Национального музея Республики Башкортостан и частного Этнографического музея Зыряновых (с. Юматово Уфимского р-на).

О древних погребальных обычаях башкир можно судить по фольклорным источникам, аккумуляровавшим общие мировоззренческие установки многочисленных башкирских родов и племен, в том числе связанные со смертью. По башкирским сказкам, сжигание тела покойного практиковалось для наиболее лёгкого и быстрого воскрешения души в небесном царстве. Напомним, что кремация имела распространение у разных народов евразийского континента со среднего палеолита вплоть до начала II тыс. н. э. [Добровольская 2010]. О существовании трупосожжения на Южном Урале могут свидетельствовать, например, Кушнаренковский и Галановский могильники [Мажитов 1977, 83]. В эпосе «Урал-батыр», который у башкир считается наиболее древним, сожжение тела мужчины связано с жертвоприношением божеству Тенгри. Девушек топили (бросали в колодцы), затем доставали их тела и давали на съедение воронам – тотемным птицам, посредникам миров у многих народов мира [Эпос 1987, 13].

Башкирская волшебная сказка «Гульсясяк» [Волшебные сказки 2000, 254] рассказывает о сожжении и трупоположении в некоем наземном сооружении типа ящика или гроба в открытом виде на кладбище в окружении птиц. Сожжение после расчленения (безвозвратный переход в иную сакральную сферу, не поддающуюся восстановлению) ставило цель навсегда избавиться от «нечисти» (змиев, драконов и т. п.), а также жестоких и коварных людей [Эпос 1987, 281, 349, 427, 449]. Расчленение тела, затем собиранье костей (средоточие жизни) в белый саван и дальнейшее захоронение в земле (дающей жизнь), напротив, в сказке «Умыс» [Волшебные сказки 2000] означает воскрешение. По представлениям удмуртов и других народов «часть» в мире мертвых превратится в «целое» [Анисимов 2014, 15]. Расчленение тела покойного в башкирских сказках напоминает обычай некоторых народов Сибири, например, юкагиров [Традиционное мировоззрение... 1989, 104]. Приспособление для тела покойного в виде ящика или гроба было характерно разным культурам, в том числе Южного Урала [Мажитов 1977, 91].

По эпосу «Урал-батыр» тело покойного как правило предавали земле и делали курган, что является традицией степных кочевых народов и может быть аргументом в пользу проживания предков создателей «Урал-батыра» в степях Евразии. Великаны царя Катилы спрашивают Урала: «Если от рук наших смерть найдешь, // В какую яму твой труп забросить?» [Эпос 1987, 59]. Хумай сообщает о намерении в отношении своего погибшего мужа Урала: «Вырыв могилу, похороню», а затем о свершившемся факте: «похоронила его в горах» [Там же, 130]. Урал-батыра хоронят в земле, что связано с архетипом «рождающей земли». Неслучайно и наши информаторы говорят, что нечто живое порожд-



дается землей и туда же должно вернуться². Погребение на горе – ближе к верхнему миру – до сих пор считается почетным. В эпосе «Куз-Курпяч» *«тело же Карабаево, омывши чистой водою, вынесли на плечах своих на верушку высокой горы и там, по завещанию авлия, похороня его, положили с ним по обычаю своему всё своё и свои оружия, и насытали высокий мар в память добродетельного мужа и сильного батыра»* [Эпос 1987, 286]. Мар соорудили и на месте погребенного в яме коня и положенных туда обломков оружия [Там же, 281]. Захоронение вместе с человеком коня – обычай всех кочевников евразийских степей в период раннего железа и средневековья [Мажитов 1977, 116]. Обмывание тела водой и доставление тела до места захоронения на руках – обычай, также сохранившиеся у башкир до наших дней.

Второй этап охватывает ранне-булгарское время (VIII–X вв.), период Волжской Булгарии (X–XIII вв.), Золотой Орды (XIII–XV в.) и Казанского ханства (1438–1552). В результате переселения многочисленных тюркских кочевых племен и консолидации с местным населением произошло формирование финно-угорско-тюркской этнокультурной общности, ставшей одним из важных ареалообразующих факторов Волго-Уральского региона. Как писал Р. Г. Кузеев [1992], в доисламский период население легко воспринимало и абсорбировало иноэтнические традиции, особенно в результате этнически смешанных браков. Вместе с тем, обширная территория с разными природно-географическими зонами предопределяла разнообразие хозяйственных типов и культур. В XIV–XV вв. обозначаются достаточно четкие границы между тюркскими и финно-угорскими этносами, а затем и отдельными этносами с их культурами как многосоставными явлениями. Финно-угорское население севера периферии испытывало влияние восточнославянской культуры, а тюркские народы на юге региона – кыпчакской культуры, что сказалось на типах надмогильных сооружений. В горнолесной зоне у башкир, марийцев, удмуртов они делались из дерева (сруб, шест, один-два столбика), у степных башкир – из камня (один или два камня, каменная кладка, а затем и мавзолей).

Срубные конструкции на Южном Урале практиковались у разных археологических культур, начиная с эпохи неолита (IV–III тыс. до н. э.), в ряде случаев выполняя роль коллективной усыпальницы (Старо-Халиловский могильник X–XI вв.) [Мажитов 1977, 86–87]. Этнический ареал распространения сруба включает закамских удмуртов, приуральских марийцев, народы Сибири, в том числе тарских и другие группы сибирских татар [Садиков 2019; Яфаева 2014; Корусенко 2003, 102, 118 и др.]. Сруб упоминается у зажиточных казанских и оренбургских татар [Георги, 2007, 136]. У башкир сруб (*бура*) представляет собой постройку размером с могилу и с навершием (имитация кровли или матицы). Он мог использоваться, исходя из обычаев зороастризма, для наземного выставления трупа [Мажитов 1977, 136].

Традиция ставить срубы у «язычников» марийцев и удмуртов Башкортостана прервалась в 1950-е гг., а мусульмане-башкиры Башкирского Зауралья (Бурзянский, Зилаирский, Абзелиловский р-ны) ее сохранили и в ряде случаев возродили после атеистического советского времени (Зилаирский р-н). Этнотерриториальная традиция оказалась сильнее, чем идеология ислама, допускающая памятники лишь в виде камня. Необходимость установки сруба населением объясняется четырьмя причинами: 1) он необходим для обитания там души; 2) является маркером захоронения человека; если там окажется другой покойник, духи будут ссориться; 3) служит защитой от скота, так как вплоть до середины XX в. башкирские кладбища не огораживались; 4) «камень будет давить на грудь»³. Сохраняются локальные особенности срубов: размеры (количество венцов 3–9 и выше), форма (прямоугольная или пирамидальная), конструкция (решетчатая или сплошная).

Надмогильная деревянная конструкция может расцениваться как заместитель дерева, как и птицы, связующего звена между нижним и верхним миром. Это касается надмогильного шеста (2–3 м) и столбика (0,5–1,5 м) с заостренным навершием, которые ставили финно-угорские племена Среднего Прикамья еще в X–XII вв. [Семенов 1974], а также устроители Бирского могильника 21 [Мажитов 1977, 93, 101]. Заостренные шесты до сих пор имеются у башкир Кугарчинского района⁴, столби-

² Полевые материалы автора (далее – ПМА), 2017 г., Республика Башкортостан, Архангельский р-н, д. Азово. Гумеров Манжур Давлетдинович, 1928 г. р.; ПМА, 2013 г., Республика Башкортостан, Мечетлинский р-н, с. Таишево. Калимуллина Мунавара Калимулловна, 1921 г. р.

³ ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Архангельский р-н, с. Тирякле. Фазылов Хабир Агзамович, 1933 г. р.; ПМА, 2013 г. Республика Башкортостан, Мечетлинский р-н, с. Большеустыкинск. Гафаров Марат Фазылтдинович, 1942 г. р.

⁴ ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Кугарчинский р-н, д. Ялсы.



ки с заостренным навершием – у башкир Курганской области (д. Аптекаево Сафакулевского р-на, д. Арсланово Щучанского р-на), а также у удмуртов, марийцев и мордвы-молокан Башкортостана [Садиков 2016, 145, 214]. У марийцев на вершине шестов крепятся изображения кукушки – «переносчицы душ мертвых» [Яфаева 2014, 341]. Как вариант – столбики с небольшой крышей, а также на могиле сразу два деревянных столбика (повыше в изголовье, пониже – в ногах) из досок, бревен и полу-бревен (высотой 0,5–1,5 м). Встречается сферическое навершие, что придает антропоморфные черты и объединяет башкир (д. Азналино Сафакулевского р-на Курганской обл.), удмуртов, марийцев [Садиков 2016, 182, 183], приуральских чувашей [Петров 2016], бесермян [Попова 2011, 241–244].

Использование дуба в качестве основного материала для сруба, а также шеста и столбика, обусловлено его долговечностью. Как говорят башкирские информаторы, дуб в обычных условиях сгнивает в течение 50–60 лет, когда сменяется поколение людей, знавшего покойного⁵. Из дуба делали колоды в средневековье [Мажитов 1977, 113]. Кроме дуба, часто использовалась береза [Яфаева 2014, 341], которая у башкир также является «деревом печали». Из ее листьев в Белорецком и некоторых других районах делают подстилку в могиле для тела, набивают подушку под голову усопшего⁶, как и марийцы [Яфаева 2014] и удмурты [Садиков 2019, 218].

Надмогильные сооружения из природного камня, традиционные для степных башкир, в первой половине XX в. получили распространение у удмуртов [Садиков 2019, 231] и марийцев Башкортостана [Яфаева 2014, 341]. Нередко на их могилах могли сооружаться одновременно два варианта памятников – традиционный и заимствованный. В первые десятилетия советской власти природный камень с башкирских кладбищ исчезал по причине его использования при строительстве жилых и хозяйственных построек. У сохранившихся сверху иногда имеются небольшие углубления для воды, которую могут испить птицы⁷.

Каменная кладка использовалась для наземного выставления трупа, аналогично срубам, на Южном Урале фиксировалась в конце I тыс. н. э. [Мажитов 1977, 88]. Ареал распространения этого обычая включал Кавказ, Сибирь, Среднюю Азию, Казахстан и другие регионы еще с эпохи бронзы [Алексеева 1973, 9; Семейная обрядность... 180, 173]. Каменную кладку делали томские, барабинские татары [Корусенко 2003]. Возможно, башкирами она заимствована у савромато-сарматского населения и считалась статусной для умерших [Юсупов 2008, 222–224]. Высота кладки у башкир варьировалась от 0,5 до 0,8 м. Внутри делали одно, два или три захоронения. Длина достигала 10 м, ширина – 5 м. По исследованиям Н. В. Бикбулатова и Ф. Ф. Фатыховой [1991, 127], в ряде случаев семейные участки объединяли каменной кладкой (с перекладинами из досок аналогично срубам) и общим деревянным срубом.

В южных районах Башкортостана у предков башкир в начале I тыс. н. э. были привычными каменные изваяния – балбалы (каменные бабы), которые напоминают силуэт человека. Один из таких памятников (Хайбуллинский р-н, XI – нач. XIII в.) в настоящее время экспонируется у входа в Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН. Эти изваяния представляют традицию кипчаков и скифов, некогда широко распространенную в степях юга России, Южной Сибири, Средней Азии, Монголии, Азербайджана, востока Украины и Германии [Гагаузы 2011, 56–59]. Обычай связан с идеей продления жизни умершего путем сохранения его образа.

Появление у башкир еще одного типа надмогильных сооружений в золотоордынский период – мавзолеев (кэшэнэ) – вероятно, связано с центрально-азиатской традицией выделения статуса погребенных (мавзолей Алаша-хана X–XI вв., мавзолей Джучи-хана XIII в. в Казахстане и др.), хотя этот обычай был известен еще в Древнем Риме и в странах Востока. Мавзолеи Хусейнбека и Турахана (в 50 км от Уфы) представляют собой наземные квадратные строения с купольными навершиями из крупных тесаных глыб известняка. Хусейнбек считается мусульманским проповедником, посланником золотоордынского хана Узбека, при котором башкиры приняли ислам. Турахан – либо чингизидом, кочевавшим по Иртышу, либо братом могущественного хана Басмана, либо правителем башкир в начале XVI в. Желание отмечать заслуги известных людей не пропала и в постсоветское время. На старинном мусульманском кладбище в г. Уфе среди могил известных деятелей науки и культуры, образования и науки выделяется сооружение в виде мавзолея первому секретарю Башкирского Обкома партии Мидхату Шакирову (1916–2014). Тело предано земле, а внутри сооружения установлен гранитный памятник с краткими сведениями о почившем.

⁵ ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Кармаскалинский р-н, с. Улукулево. Самикова Флюра Галиулловна, 1955 г. р.

⁶ ПМА, 2018 г. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Шигаево. Абсалямова Василия Магадеевна, 1950 г. р.

⁷ ПМА, 2018 г., Республика Башкортостан, Куяргазинский р-н, д. Якшимбетово.

Третий этап – с периода присоединения народов в состав Русского государства в XVI в. до начала XX столетия – можно охарактеризовать как усиление дифференциаций западной (христианской) и восточной (мусульманской и «языческой») цивилизаций. В то же время – консолидации удмуртов, марийцев, чувашей и других «язычников» с башкирами и татарами, особенно в процессе исламизации, тюркизации и нередко смены этнической идентичности. Р. Р. Садиков, Т. Л. Молотова, Е. А. Ягафова описали этот процесс на примере удмуртов, марийцев и чувашей. О вбирании элементов татарской и башкирской культуры, перенятии считавшегося престижным татарского языка писали Петр Ерусланов [1896, 326] и Уно Хольмберг [Путешествия к удмуртам... 2014].

Исходя из теории о цикличности, в этот период разные народы вновь образовывали этногенетическое единство. В полевых материалах Р. Г. Кузеева 1950-х годов немало сведений о смене этнической идентичности финно-угорских и иных переселенцев в пользу башкирской. Например, башкиры с. Караидель и д. Алыи Аскинского района – бывшие марийцы [Кузеев 1957, 9, 15]. В Национальном архиве РБ особенно много дел, инициированных черемисками, желающими вступить в брак с башкирами [Научный архив Республики... оп. 3, д. 11167], даже путем обмана властей [Там же, оп. 3, д. 11822].

Есть все основания считать, что причиной исламизации, а не христианизации части марийцев, удмуртов и чувашей, стала прежде всего этнокультурная общность, формировавшаяся веками, хотя имели важное значение и другие причины, отмеченные вышеназванными исследователями. Кроме того, образ русских как противников, сформировавшийся в период противостояния Волжской Булгарии с Русью, укрепившийся в ходе насильственной христианизации, сохранился и в Башкирии. Причина в том, что марийцы и удмурты заселяли земли на территории республики, начиная с XVI–XVII в., а с появлением многочисленных русских крестьян с XVIII в. произошло резкое сокращение земель для ведения земледелия и кочевого скотоводства. С местными башкирами, напротив, складывались благоприятные взаимоотношения. Переселенцы разводили лошадей башкирской породы (до четырех десятков в одном доме), в достаточном количестве имели плодородные земли. И хотя удмурты и марийцы сохраняли традиционные верования, но под влиянием мусульманских народов к свиньям и свинине испытывали презрение [Путешествия к удмуртам... 2014, 73, 138]. Переселенцы перенимали местные особенности скотоводства, в свою очередь, способствуя развитию земледелия у башкир, обеспечивая их продуктами питания [Кузеев 1957, 111]. Также заимствовались обрядовые обычаи башкир и татар, о чем на примере черемис писал П. Ерусланов в конце XIX в.: «По-магометански черемисы проводят погребальные обряды: несут покойника на кладбище на руках, хоронят без гроба, в могилах делают боковую нишу, приглашают муллу или грамотных татар для чтения Корана» [2. С. 326].

Четвертый этап, начавшийся с Октябрьской революции 1917 года, характеризуется тремя явлениями. Во-первых, формированием этнически нивелированного советского пласта в культурах разных народов. Во-вторых, сохранением и развитием финно-угорской-тюркской общности. В-третьих, ориентиром государства на русскую культуру, родную для большинства населения страны, в том числе в Башкортостане (в 1926 г.: русские – 40%, башкиры – 23,5%). Русская культура была призвана интегрировать этносы, конфессии, территории.

Советская культура с ее принципами массовости, зрелищности и агитационно-пропагандистского содержания в первое десятилетие советской власти внедрялась в массы людей в виде «комсомольского рождества», «комсомольской пасхи», «комсомольского ураза-байрама», «комсомольского курбан-байрама», «красной свадьбы», «революционных крестин» и др.⁸. По-новому стали проводиться марийский праздник *Шортйол* (*Шорыкйол*), Девичий пир (*Ўдырсий*) и Масленица (*Ўярня*). Появился праздник красного цветка – *Йошкар теледыш пайрем* с шествиями, митингами, лекциями [Марийцы... 2013, 277, 278]. В Башкирии в мае 1923 г. мари секция при Бирском уездном комитете РКП(б) организовала «комсомольский семык»: прошли обычные для того времени митинг-концерт с обязательным исполнением Интернационала, митинг-спектакль, народные игры, скачки на лошадях (как на сабантуе у башкир и татар) взамен традиционным ритуалам, беседы с местной молодежью на политические темы⁹. В прессе Башкирии отмечен также факт организации в 1924 г. по-новому марийского праздника Кусо (*Кўсәд*)¹⁰.

⁸ О послереволюционных праздниках см.: Галиева Ф. «Красная» свадьба в Башкирии: эксперименты советской власти // *Quaestio Rossica*. Т. 6. 2018. № 3. С. 784–796; Галиева Ф. Г. Революционные крестины как феномен советской культуры 1920-х гг. (по материалам прессы Башкирии) // *Современные исследования социальных проблем*. 2018. № 1. С. 26–41 и др.

⁹ Более подробно см.: Галиева Ф. Г. Комсомольский праздник Семык у марийцев Башкирии // *Вестн. Марийского гос. ун-та. Серия: Исторические науки. Юридические науки*. 2018. Т. 4. 3 1(13). С. 15–20.

¹⁰ Яметов. Праздник по-новому. (Мишкинская волость) // *Власть труда*. 1924. 24 июля.



«Красные» (гражданские, «революционные») похороны дифференцировали людей не по этноконфессиональному принципу, а по их вкладу в дело революции. Смерть простых людей просто регистрировалась в государственных документах, а кончина героев и руководителей становилась поводом для общественно-политического мероприятия с траурным шествием (с представителями партии, комсомола, профсоюзов, воинских частей, даже пионеров), красными знаменами и плакатами, митингом, почетным караулом, ружейными салютами, духовым оркестром, траурной символикой и атрибутикой. Это не означало полного отказа от этнорелигиозных традиций, чаще всего происходило их совмещение. В 1923 г. пресса Башкирии обсуждала вопрос о необходимости распространения обычной кремации. Она предлагала начать с героев революции, при этом сохранив речи, марши и салютную стрельбу¹¹. В 1924 г. власти от этой идеи отказались, согласившись на традиционную для христианина и мусульманина ингумацию. Рекомендовалось на могилу ставить памятник, а не крест и могильный камень. Ставился вопрос об уходе над могилами героев-красноармейцев¹².

Советская власть пыталась объединить народы под флагом революции, но путем отказа от этнических традиций. Полное избавление от этничности не произошло во многом благодаря силе традиций этносов в условиях сельской местности в относительно моноэтнических поселениях, процессам консервации этнических культур в полиэтничном окружении. Сохранение этнических культур марийцев и удмуртов Башкортостана произошло еще и благодаря предшествующему этапу их консолидации с местным тюркским населением, выработке механизмов адаптации к меняющимся социально-политическим условиям.

С одной стороны сохранялся импульс исламизации и тюркизации «языческих» народов, с другой стороны, в среде башкир значительное место продолжали занимать доисламские обычаи. В ряде селений удмуртов и марийцев произошла смена ориентировки тела в могиле головой на запад или восток, как у мусульман, а не на север, как по традиции. В то же время у некоторых башкир мусульманское правило часто не соблюдалось «по не знанию» вплоть до наших дней¹³. По исследованиям Р. Р. Садикова, некоторые удмурты стали посещать кладбища до полудня, как башкиры и татары, а башкиры – «когда есть время», то есть и после обеда, по обычаю финно-угорских народов. «Язычники» в могилах стали делать нишу лэхет и закрывать ее досками [Садиков 2019, 211, 215, 233]. В то же время в башкирских селениях Мечетлинского района РБ в последние годы ее делать перестали из-за того, что почва песчаная, рассыпается, тело кладут прямо на землю¹⁴. В д. Тазларово Кармаскалинского района РБ нишу делают по центру могилы, а не на южной стороне, так как грунт рыхлый и стенки рассыпаются¹⁵.

Традицию башкир доставки тела на кладбище с помощью носилок удмурты Бураевского и Балтачевского района РБ заимствовали вместо традиционного способа – на санях-дровнях в любое время года [Садиков 2019, 206]. В свою очередь у башкир Белорецкого района РБ на носилках переносят тела лишь особо уважаемых односельчан, остальных – на автомобилях, раньше на телегах с лошадью¹⁶. В Кармаскалинском районе РБ к лошади или машине обращаются лишь зимой в случаях невозможности доставки пешим способом¹⁷.

Общим обычаем удмуртов и башкир в прошлом была доставка тела на кладбище на лубе, позднее у башкир – на сбитых вместе досках [Бикбулатов, Фатыхова 1991, 121], у финно-угров – в гробу. Для переноса тела у башкир Мечетлинского района РБ используется гроб (без крышки), который ставится на носилки. При захоронении тела гроб остается лежать рядом с могилой, а впоследствии заносится в специально отведенное на кладбище место вместе с носилками. По рассказам информаторов, раньше хоронили в гробах без крышки¹⁸. Аналогично поступали удмурты д. Канлы Кушнаренковско-

¹¹ Троцкий Л. Семья и обряды // Власть труда. 1923. 11 июля.

¹² Райкомовский. Окажите честь павшим // Власть труда. 1924. 9 июля.

¹³ ПМА, 2019 г. Республика Башкортостан, Куюргазинский р-н, д. Якшимбетово.

¹⁴ ПМА, 2013 г. Республика Башкортостан, Мечетлинский р-н, с. Таишево. Афлятунова Гульсум Мавлетбаевна, 1932 г. р.

¹⁵ ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Кармаскалинский р-н, д. Кустыгулово. Рахимов Закиулл Галиуллович, 1957 г. р.

¹⁶ ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Шигаево.

¹⁷ ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Кармаскалинский р-н, д. Кустыгулово. Рахимов Закиулл Галиуллович, 1957 г. р.

¹⁸ ПМА, 2013 г., Республика Башкортостан, Мечетлинский р-н, с. Таишево. Афлятунова Гульсум Мавлетбаевна, 1932 г. р.



го района [Садиков 2019, 211]. Буйские удмурты тело на кладбище увозили на лубке в саях, в это время во дворе делали гроб и отвозили на место погребения пустым, затем клали липовую кору и укладывали покойника [Садиков 2019, 213, 215]. Таким образом, соединялись старая (лубок) и новая традиция (гроб), а также обычаи удмуртов, русских и башкир.

У башкир нами зафиксированы случаи нарушения запрета хоронить умершего лишь в саване. В с. Якшимбетово Куюргазинского района РБ мужчине по его завещанию перед погребением надели трико, потому что он постыдился предстать перед Всевышним голым, причем такие примеры не редки¹⁹. По словам священнослужителя того же села, приглашенного в соседнюю башкирскую д. Язлав, в 2016 г. один башкир на погребение своего брата принес всю одежду и обувь, хотя мулла положить вещи в могилу запретил²⁰. В то же время в некоторых селениях закамских удмуртов утрачен обычай в могилу класть комплект одежды [Садиков 2019, 232].

Примеры можно дополнить и за счет похоронно-поминальных обычаев, общих для многих народов. В том числе ритуалы «охраны покойного»; его обмывания «живой» водой, набранной по течению источника; «сковородный запах» для поминок; облачение в белую ткань; обычаи, связанные с нитями (путь покойнику и пожелание долголетия живущим) и т. д.²¹. Башкир, удмуртов и марийцев объединяют представления, связанные с символикой нечетных чисел – невозможностью делиться нацело на два (количество венцов на срубе, метров для пошива савана, досок для закрытия могильной ниши²² и др.). У башкир, удмуртов и марийцев бытовали схожие представления о душе, которая превращается в птицу и служит добрым или злым силам (сказка «Убыр-эби», эпос «Алдар и Зухра») [Эпос, 340]. Для нее башкиры и в наши дни над дверью в стене вбивают деревянный крюк или небольшую полочку, а маяком служит включенный свет.

Русское влияние на обрядность башкир и других народов во многих случаях может расцениваться как советская традиция. В годы советской власти многих башкир, особенно партийных, хоронили в гробу с крышкой. Другим заимствованным обычаем является бросание рукой горсти земли в могилу. В силу сохранения советских обычаев во время прощания на видное место устанавливают портрет с траурной лентой. На поминки некоторые башкиры по примеру православных ставят алкоголь, тарелку и рюмку для души ушедшего. Бывает, вначале поминки проводят по канонам ислама, а затем достают водку, как принято у русских, наливая от себя. Деятели науки, культуры, образования, официальным лицам приносят цветы, складывают к ногам умершего или на стол, а затем на могилу. Пожилые сельчане это считают нецелесообразным, не по шариату, а заимствованным от русских. Несмотря на критику священнослужителей, на башкирских сельских кладбищах на могилах оставляют искусственные цветы. Как правило, речи говорят на русском языке, фоном звучит траурный марш. На кладбище и в городе, и на селе устанавливают надмогильные памятники с портретом, иногда бюст и даже изображение человека в полный рост, несмотря на запрет в исламе. В д. Кустыгулово Кармаскалинского района перед уходом из кладбища некоторые молодые люди на могиле рассыпают мелкие монеты, это новый обычай²³. Стало привычным регулярное посещение могил близких, в том числе женщинами, уборка от сорняка и мусора, обновление ограды, приглашение за поминальный стол русских соседей.

Таким образом, исходя из теории о цикличности развития культур, финно-угорская, позднее финно-угорско-тюркская общность в разное время характеризовалась процессами этнической консолидации и дифференциации, абсорбируя иноэтнические традиции и получая импульс для дальнейшего развития. Эти явления наблюдались не только в древности, но и в раннем и позднем средневековье, и вплоть до наших дней. На примере погребальной обрядности башкир очевидно формирование в горнолесной зоне одинаковых типов надмогильных сооружений с удмуртами и марийцами (сруб, деревянный шест и столбик), их вариантов (столбик с навесом, два надмогильных столба) и обычаев. Степные башкиры ставили надмогильные сооружения, как и кочевники степей с юга региона, из камня, а затем

¹⁹ ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Кармаскалинский р-н, д. Кустыгулово. Рахимов Закиулла Галиуллович, 1957 г. р.

²⁰ ПМА, 2016 г. Республика Башкортостан, Куюргазинский р-н, с. Якшимбетово.

²¹ ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Архангельский р-н, д. Узунларово. Файзуллина Вакиля Шарифулловна, 1939 г. р.; ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Архангельский р-н, д. Абзаново. Юсупова Масия Хамифулловна, 1949 г. р.

²² ПМА, 2017 г. Республика Башкортостан, Архангельский р-н, с. Тирякле. Фазылов Хабир Агзамович, 1933 г. р.

²³ Информатор тот же.



передали традицию финно-угорским народам. Присоединение народов в состав Русского государства сопровождалось интеграцией башкир, удмуртов и марийцев в процессе исламизации, тюркизации, смены этнической идентичности бывших «язычников». В советские годы стали привычными межэтнические браки, усилилось влияние русской культуры, сформировался этнически нивелированный пласт культуры. Постсоветское время характеризуется политикой поддержки этничности, возрождения этнических культур крупных и малочисленных народов. Однако этнокультурной дифференциации ожидать не стоит в силу сложившейся на протяжении веков финно-угорско-тюркской общности. Теория о цикличности развития этнических культур подтверждается на примере погребальной обрядности башкир и объясняет многие общие явления с народами евразийского пространства.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов Н. В.* Коммуникация с миром мертвых в обычае взаимопомощи в традиционной культуре удмуртов // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Т. 8, вып. 2. С. 11–17.
- Башкирское народное творчество. Том II: Предания и легенды / сост., автор вступ. ст. и коммент. Ф. А. Надришина. Уфа, 1987. 573 с.
- Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.* Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
- Волшебные сказки / сост. М. С. Игебаева. Уфа: Китап, 2000. (на баш. и рус. яз.)
- Гагаузы / отв. ред. М. Н. Губогло, Е. Н. Квилинкова. М.: Наука, 2011. 611 с. (Народы и культуры.)
- Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. М.: Библиотека РУСАЛа, 2007. 128 с.
- Добровольская М. В.* К методике изучения материалов кремации // Краткие сообщения института археологии. 2010. Вып. 224. С. 85–97.
- Ерусланов П.* Краткий отчет о поездке к черемисам Уфимской губернии летом 1896 г. // Этнографическое обозрение. 1896, № 2–3. С. 324–329.
- Корусенко М. А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв. Новосибирск, 2003.
- Кузеев Р. Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. 347 с.
- Кузеев Р. Г.* Полевые дневники 1953, 1955, 1956, 1958 гг. // Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 116. Оп. 1.
- Мажитов Н. А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М.: Наука, 1977. 240 с.
- Марийцы. Историко-этнографические очерки. Изд. 2-е, доп. / редкол.: А. З. Казимов, Т. Л. Молотова, Т. Б. Никитина, Н. С. Попов, В. Д. Шаров. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2013. 482 с.
- Молотова Т. Л.* Ислам в культуре и истории марийцев // Социологические исследования межнациональных и межконфессиональных отношений. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 7 июня 2012 г. Йошкар-Ола, 2013. С. 137–155.
- Национальный архив Республики Башкортостан. Ф. 295: Оренбургское духовное магометанское собрание. Уфимское духовное магометанское собрание.
- Петров И. Г.* Надгробные памятники некрещенных чувашей в приикской зоне Башкортостана: традиции и новации // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре. Самара, 2016. С. 148–151.
- Попова Е. В.* Культурные памятники и сакральные объекты бесермян / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2011. 329 с.
- Путешествия к удмуртам и марийцам. Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. / под ред. С. Лаллукки, Т. Г. Миннихметовой, Р. Р. Садикова. СПб.: Европейский дом, 2014. 224 с.
- Садиков Р. Р.* Традиционная религия закамских удмуртов. 2-е изд., доп. Уфа: ООО «Первая типография», 2019. 320 с.
- Садиков Р. Р.* Финно-угорские народы Республики Башкортостан (история, культура, демография). Уфа: ООО «Первая типография», 2016. 276 с.
- Соколова З. П.* Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ИПА «Три Л», 1998. 284 с.
- Традиционное мировоззрение древних тюрков Южной Сибири. Человек и общество / Э. Л. Львова, И. В. Октябрьская, А. М. Сагалаев, М. С. Усманова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.
- Шитова С. Г.* Женская одежда северных башкир // Археология и этнография Башкирии. Том 1 / под ред. Р. Г. Кузеева и К. В. Сальникова. Уфа, 1962. С. 292–294.
- Эпос. Башкирское народное творчество: в 12 т. Т. 1: Эпос / сост. М. М. Сагитов; коммент. Н. Т. Зарипова, М. М. Сагитова и А. М. Сулейманова. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1987. 544 с.
- Юсунов Р. М.* Краниология башкир. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 198 с.



Юсупов Р. М. Погребальный обряд // Башкиры-гайнинцы Пермского края: история, этнография, антропология, этногеномика. Уфа, 2008. С. 222–224.

Ягафова Е. А. Чуваши-мусульмане в XVIII – начале XXI вв. Самара, 2009. 128 с.

Яфаева Г. М. Типология марийских кладбищ в Республике Башкортостан // Этногенез. История. Культура. Вторые Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова, г. Уфа, 13 ноября 2014 г. Уфа, 2014. С. 340–342.

Поступила в редакцию 25.03.2020

Галиева Фарида Габдулхаевна,

доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник,
Институт этнологических исследований им Р.Г. Кузеева – обособленное структурное подразделение
ФГБНУ Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.
450077, Россия, г. Уфа, ул. К. Маркса, 6
E-mail: afg18@mail.ru

F. G. Galieva

FINNO-UGRIC-TURKIC ETHNOCULTURAL COMMUNITY IN THE FUNERAL RITES OF THE BASHKIRS

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-2-336-345

The article studies the different stages of formation and development of Bashkir funeral rites in the Ural-Volga region of the Finno-Ugric-Turkic community. The first stage (2000 BC – the first half of the first millennium AD) is characterized by the formation of the Finno-Ugric ethnic base of the population in the region, which maintained ties with neighboring Eastern regions and eventually expanded contacts with southern regions, including the areas of ancient Bashkir tribes. The author discusses examples reflecting the ethnic and cultural ties of Bashkir ancestors to the peoples of Siberia, the similarities of their mythological concepts, such as the ways of passing through cremation, burial ceremonies, ground-based burial and burial mounds, which is supported by the archaeological material. The second stage (early Bulgar, the period of Volga-Bulgaria and the Kazan Khaganate) is considered a Finno-Ugric-Turkic ethnocultural community. In different geographical areas Bashkir, Udmurt and Mari peoples used the same type of burial structures (log, wooden). In the third stage (the second half of the 16th century – beginning of the 20th century) the community of the peoples in question strengthened through the process of Islamization, Turkification, and the shift to a Bashkir ethnic identity of the Finno-Ugric population. In the fourth stage (Soviet and post-Soviet era), the momentum of the previous tendencies continued. The influence of Turkic neighbors reflected in the funeral rites of the "pagans" (orienting the faces of the buried to the East, grave niches). At the same time, Bashkirs maintained pre-Islamic customs, or rejected Sharia norms for practical reasons (grave niches were not built because the soil was too loose). The Soviet period also led to the emergence of a common layer of culture.

Keywords: Bashkirs, Udmurts, Mari, ethnogenetic community, ethnocultural community, Volga-Ural region, Bashkortostan.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 2, pp. 336–345. In Russian.

REFERENCES

Anisimov N. V. *Kommunikaciya s mirom mertvy`x v oby`chae vzaimopomoshhi v tradicionnoj kul`ture udmurtov* [Communication with the world of the dead in the custom of mutual assistance in Udmurt traditional culture]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. 2014. Vol. 8. № 2, pp. 11–17. In Russian.

Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [Bashkir folk art]. Volume II: Predaniya i legendy [Legends]. Ufa, 1987. 573 p. In Russian.

Bikbulatov N. V., Fatykkova F. F. *Semejny`j by`t bashkir. XIX–XX vv.* [Bashkir family life. 19th-20th centuries]. Moscow, Nauka, 1991. 189 p. In Russian.

Volshebny`e skazki [Fairy tale]. Ufa, Kitap, 2000. In Russian.

Gagauzy [Gagauz]. Moscow, Nauka, 2011. 611 p. In Russian.

Georgi I. G. *Opisanie vsekh obitayushhikh v Rossijskom gosudarstve narodov, ikh zhitejskikh obryadov, oby`knovenij, odezhd, zhilishh, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugikh dostopamyatnostej* [Description of all peoples living in the Russian state, their everyday rites, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorials]. Moscow, 2007. 128 p. In Russian.

Dobrovol`skaya M. V. *K metodike izucheniya materialov kremacii* [On the method of studying cremation materials]. *Kratkie soobshheniya instituta arxeologii* [Brief reports of the Institute of Archaeology]. 2010. Vol. 224, pp. 85–97.



Eruslanov P. *Kratkij otchet o poezdke k cheremisam Ufimskoj gubernii letom 1896 g.* [Brief report on the trip to the Cheremis of the Ufa province in the summer of 1896]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 1896. №. 2–3, pp. 324–329. In Russian.

Korusenko M. A. *Pogrebal'nyj obryad tyurkского naseleniya nizov'ev r. Tara v XVII–XX vv.* [Funeral rite of the Turkic population of the lower reaches of the Tara river in the 17th–20th centuries]. Novosibirsk, 2003. In Russian.

Kuzeyev R. G. *Narody Srednego Povolzh'ya i Yuzhnogo Urala: e'tnogeneticheskij vzglyad na istoriyu* [Peoples of the Middle Volga region and the southern Urals: an ethnogenetic view of history]. Moscow, Nauka, 1992. 347 p. In Russian.

Kuzeev R. G. *Polevy'e dnevniki 1955, 1956, 1958 gg.* [Field diary 1955, 1956, 1958] The Scientific archive of Ufa Federal research center Russian Academy of Sciences [Nauchnyj arxiv Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra RAN]. F. 116, op. 1. In Russian.

Mazhitov N. A. *Yuzhnyj Ural v VII – XIV vv.* [The Southern Urals in the 7th–14th centuries]. Moscow: Nauka, 1977. 240 p. In Russian.

Marijcy. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Mari. Historical and ethnographic essays]. Yoshkar-Olai, 2013. 482 p. In Russian.

Molotova T. L. *Islam v kul'ture i istorii marijcev* [Islam in the culture and history of the Mari people] *Sociologicheskie issledovaniya mezhnacional'nykh i mee'konfessional'nykh otnoshenij. Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii 7 iyunya 2012 g.* [Sociological studies of interethnic and interconfessional relations. Proceedings of the interregional scientific and practical conference June 7, 2012]. Yoshkar-Ola, 2013, pp. 137–155. In Russian.

Nacional'nyj arxiv Respubliki Bashkortostan [National archives of the Republic of Bashkortostan]. F. 295. In Russian.

Petrov I. G. *Nadgrobnny'e pamyatniki nekreshheny'x chuvashej v priiskoj zone Bashkortostana: tradicii i novacii* [Tombstones of unbaptized Chuvash in the Priik zone of Bashkortostan: traditions and innovations]. *Prazdniki i obryady v Uralo-Povolzh'e: tradicii i novacii v sovremennoj kul'ture* [Holidays and rites in the Ural-Volga region: traditions and innovations in modern culture]. Samara, 2016, pp. 148–151. In Russian.

Popova E. V. *Kul'tovy'e pamyatniki i sakral'ny'e ob'ekty besermyan* [Cult objects and sacred objects of the Besermyan]. Izhevsk, 2011. 329 p.

Puteshestviya k udmurtam i marijczam Pis'ma Uno Khol'mberga 1911 i 1913 gg. [Travels to the Udmurts and Mari Letters by Uno Holmberg 1911 and 1913]. SPb., 2014. 224 p. In Russian.

Sadikov R. R. *Finno-ugorskie narody Respubliki Bashkortostan (istoriya, kul'tura, demografiya)* [Finno-Ugric peoples of the Republic of Bashkortostan (history, culture, demography)]. Ufa, 2016. 276 p. In Russian.

Sadikov R. R. *Tradicionnaya religiya zakamskix udmurtov* [Zakamska the Traditional religion of the Udmurts]. Ufa, 2019. 320 p. In Russian.

Sokolova Z. P. *Zhilishhe narodov Sibiri (opy't tipologii)* [Housing of the peoples of Siberia (typological experience)]. Moscow: IPA "Three L", 1998. 284 p.

Tradicionnoe mirovozzrenie drevnikh tyurkov Yuzhnoj Sibiri. Chelovek i obshchestvo [Traditional worldview of the ancient Turks of southern Siberia. Man and society]. Novosibirsk, Nauka, 1989. 243 p. In Russian.

Shitova S. G. *Zhenskaya odezhda severnykh bashkir* [Women's clothing of the Northern Bashkirs]. *Arxeologiya i e'tnografiya Bashkirii* [Archeology and Ethnography of Bashkiria]. Vol. 1. Ufa, 1962, pp. 292–294. In Russian.

Epos. Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo [Epos. Bashkir folk art]: in 12 vols. 1: Epos. Ufa, 1987. 544 p. In Russian.

Yusupov R. M. *Kraniologiya Bashkir* [Bashkirian Phrenology]. L., Nauka, 1989. 198 p. In Russian.

Yusupov R. M. *Pogrebal'nyj obryad* [The funeral ceremony]. *Bashkiriy'-gajnicy Permskogo kraja: istoriya, e'tnografiya, antropologiya, e'tnogenomika*. [Gains Bashkirs of the Perm region: history, ethnography, anthropology, ethnogenomics]. Ufa, 2008, pp. 222–224. In Russian.

Yagafova E. A. *Chuvashi-musul'mane v XVIII – nachale XXI vv.* [Muslim Chuvashes in the 18th century – beginning of 21st century]. Samara, 2009. 128 p. In Russian.

Yafaeva G. M. *Tipologiya marijskikh kladbishch v Respublike Bashkortostan* [Mari typology of cemeteries in the Republic of Bashkortostan]. *E'tnogenez. Istoriya. Kul'tura. Vtory'e Yusupovskie chteniya. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvyashhennoj pamyati Rinata Muxametovicha Yusupova* [Ethnogenesis. History. Culture. Second Yusupov readings. Materials of the International scientific conference dedicated to the memory of Rinat Mukhametovich Yusupov]. Ufa, 2014, pp. 340–342. In Russian.

Received 25.03.2020

Galieva Farida Gabdulkaevna,

Doctor of Philology, Chief Research Associate,
Institute of ethnological researches, Ufa Federal Research Centre, Russian Academy of Sciences
Karla Marksa st., 6, Ufa, 450077, Russian Federation
E-mail: afg18@mail.ru